

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(2): 791-801
 DOI: 10.13187/bg.2025.2.791

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Crimean War and the Russian Arctic: the Fate of the Population of the Town of Kola after the English Bombing on August 11, 1854

Pavel V. Fedorov ^{a, *}, Elena Yu. Tereshchenko ^b

^a Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russian Federation

^b Murmansk Arctic University, Murmansk, Russian Federation

Abstract

As a result of the enemy's military actions in 1854–1855, Russia faced risks of losing its small permanent population in the Arctic, on the coast of the Barents Sea. On August 11, 1854, as a result of the English bombing, the only town in the area, Kola, which was the mainstay center of the Russian Arctic, was almost completely burned down. The Russian government decided to relocate residents to other settlements and deprived Kola of the status of a county seat. However, a significant part of the townspeople refused to relocate. The restoration of the city began on the ashes of houses. Based on the processing of documents of the church population registration for the Kola parish, demographic data for the city of Kola for 1851–1865 were introduced into scientific circulation for the first time in the article. Their analysis led to the conclusion that within 10 years after the British bombing, Kola was able to restore the balance of births and deaths, but the number of marriages was reduced. The core of the city consisted mainly of merchants, burghers, and the clergy, as the classes most attached to the place. They have made the most significant contribution to the restoration of the city. The peasants, on the contrary, have become the most mobile group and the most inclined to leave the city. The successful experience of population regeneration led not only to the return of Kola to the status of a county seat in 1883, but also to the implementation of a large-scale project of "government colonization" of the Murmansk coast. After restoring the Kola, the locals fixed the ruined "Arctic façade" of the Russian Empire. And this happened at a time when the country faced serious obstacles to its development and could not allocate large funds to the North.

Keywords: Crimean War, Russian North, Great Britain, Kola, Arctic, demography, family history, town.

1. Введение

На исторический образ Крымской войны 1853–1856 гг. заметно повлияло её название. Значение противостояния нередко сужают до крымского театра военных действий, чем искажается «подлинный стратегический масштаб» этого события (Шевченко, 2024: 19). В последнее время в историографии предприняты значительные усилия, чтобы изменить понимание Крымской войны и показать её беспрецедентный размах: от Балтийского моря до Тихого океана и от Черного моря и Кавказа до Арктики (Давыдов, 2016: 17-20; Кауппала, 2024: 72-83; Постников, 2022: 3-40; Мачехин, 2012: 145-151). Отсюда дискуссии смещаются к поискам новых критериев для оценки итогов войны (Вакулова, 2023: 218-220; Каптарь, 2017: 6-10; Ружицкая, 2024: 23-33). Сегодня Крымскую кампанию рассматривают и «предвестником Первой мировой войны» (Нисковских, 2010: 36-37), и «конфликтом цивилизаций» (Вакулова, 2016: 38-45), и источником подготовки России к новому этапу модернизации (Климкина, 2015: 96-97; Кудрявцев, 2009: 7-10). Процесс переосмысления продолжается.

* Corresponding author

E-mail addresses: sever-nordica@yandex.ru (P.V. Fedorov), tereshchenko.eu@mauniver.ru (E.Y. Tereshchenko)

Из-за преобладания «южных» коннотаций в понятии «Крымская война» до сих пор не получил должного осмысления тот факт, что в результате военных действий неприятеля в 1854–1855 гг. возникли риски утраты Россией своего немногочисленного постоянного населения в Арктике, на побережье Баренцева моря. 11 августа 1854 г. в результате бомбардировки, предпринятой английским военным пароходом «Миранда», был практически полностью сожжён единственный в этом ареале город Кола, являвшийся опорным центром Русской Арктики. Восстановление этого населённого пункта являлось важной задачей не только с имиджевой точки зрения, но и как сбережение того человеческого капитала, который накапливался Россией в Арктике в течение многих столетий.

При изучении судьбы населения города Колы после английской бомбардировки 11 августа 1854 г. исследователь неизбежно сталкивается с проблемами официальной статистики: её нехватки, если не полного отсутствия, за период до начала 1870-х гг. и неточности (или неполноты) информации за последующий период. Как уже отмечалось в научной литературе, текущие демографические данные, собранные и обработанные Архангельским губернским статистическим комитетом по г. Коле, при соотнесении их с данными, полученными в результате обработки источников церковного учёта населения, не выдерживают критики (Малашенков, Федоров, 2011: 11-13).

Одной из задач статьи стало получение и введение в научный оборот отсутствующих в историографии демографических данных по городу Коле накануне, во время и после Крымской войны.

2. Материалы и методы

В работе был привлечён комплекс первичных источников церковного учёта населения, включающий духовные (исповедные) росписи и метрические книги по приходу г. Колы, которые неплохо сохранились в архивах Мурманска и Архангельска. В Государственном архиве Мурманской области (ГАМО) (Мурманск, Российская Федерация) был изучен фонд И-16 (Кольский Благовещенский собор), а в Государственном архиве Архангельской области (ГААО) (Архангельск, Российская Федерация) – фонд 29 (Архангельская духовная консистория). Интересные материалы по г. Коле по периоду Крымской войны отложились и в фонде 1 ГААО (Канцелярия архангельского губернатора).

В исследовании использовались как общенаучные и общеисторические научные методы, так и специальные научные методы, в частности, статистический метод, хорошо известный в историографии Западной Европы как «восстановление истории семей» («reconstitution des familles»), предполагающий подготовку на основе непрерывного информационного потока приходской документации баз данных, позволяющих отслеживать именной, сословный, половой и др. составы населения, движение его элементарных и структурных частей. Фактически речь идет о демографо-генеалогической реконструкции всего наличного населения определенного ареала (города, деревни и т. д.) по источникам первичного учёта с учётом исторической динамики (Henry, 1956: 1-232).

Сравнительно небольшие масштабы Колы и неплохая сохранность документальной базы позволяют пересчитать всё население этого города буквально поимённо и ввести в научный оборот новые демографические данные, что крайне важно в свете изучения «северного вектора» Крымской войны.

3. Обсуждение

В отечественной историографии северный театр военных действий долгое время рассматривался как не имеющий значения для истории Крымской войны в целом. Слишком далеко находился Русский Север от Крыма, слишком оторванным казался он на фоне южных баталий. На общее отношение части советских историков к северным эпизодам Крымской войны повлияло высказывание К. Маркса и Ф. Энгельса в статье «Англо-французская война против России». Они утверждали, что раз неприятель не взял Архангельск, его беспорядочные атаки «на русские и лопарские деревни» были и позорными, и довольно бессмысленными (Маркс, Энгельс, 1958: 522). В русле идей основоположников марксизма размышлял и советский историк Е. В. Тарле, написавший в своем знаменитом труде «Крымская война», что город Кола, подвергшийся бомбардировке со стороны неприятеля 11 августа 1854 г., не имел «никакого значения, ни стратегического, ни экономического» (Тарле, 1950: 104-106).

Правда, в то же самое время в отечественной историографии готовились новые тенденции, рассматривающие оборону Колы в истории Крымской войны как «одну из славных страниц патриотической борьбы народов нашей Родины против иноземных завоевателей» (Миславский, 1958: 110-118; Ушаков, 1972: 248, 256-257, 263, 266).

Вниманием исследователей начинает пользоваться организация сопротивления противнику на Русском Севере силами немногочисленных войск и гражданского населения (Карбасникова, 1973: 40-46; Давыдов, 2004: 17-20; Мельникова, 2010: 165-182). Р.А. Давыдовым и Г.П. Поповым была подготовлена подробная хроника событий Крымской войны в период обороны Русского Севера (Давыдов, Попов, 2005: 1-173). Е.А. Орехова в своей работе, посвящённой составу Кольской инвалидной команды накануне и во время Крымской войны, отмечает, что в начале сентября 1854 г. это войсковое подразделение было выведено в Кемь и обратно уже не вернулось (Орехова, 2021: 184).

При том, что в литературе присутствует оценка об упадке, «захирении» Колы после пожара 1854 г. (Ушаков, 1997: 330-333), историография не располагает работами о влиянии Крымской войны на постоянное гражданское население Русской Арктики.

В 2010–2011 гг. были опубликованы результаты большого проекта, посвящённого демографо-генеалогической реконструкции на материале города Колы, включающие демографические данные и генеалогические схемы семейно-родственных коллективов за период до 1841 г. и с 1863 до 1920 г. (Малашенков, Федоров, 2010а: 1-280; Малашенков, Федоров, 2010б: 1-253; Малашенков, Федоров, 2011: 1-230; Fedorov, Malashenkov, 2015: 1011-1018). Пробел, выпадающий на период Крымской войны, объясняется отсутствием у авторов доступа к тем документам за этот период, которые хранятся в Государственном архиве Архангельской области. Теперь, когда этот доступ получен, оказалось возможным изучить судьбу населения Колы после английской бомбардировки 11 августа 1854 г.

4. Результаты

Великобритания в своей стратегии противостояния России считала Колу местом определённой политической значимости, «столицей российской Лапландии» (Давыдов, Попов, 2005: 97), в то время как российское руководство воспринимало Колу как провинциальный город, утративший свою былую стратегическую ценность, обветшалую крепость, оборону которой можно было обеспечить небольшой группой солдат. Различия в геостратегических концепциях и неравенство в ресурсах двух держав порождали эту асимметрию. Колониально-океаническая доктрина британцев, опиравшаяся на мощь их флота, значительно превосходила по пространственному охвату балтийско-черноморскую континентально-прибрежную доктрину России (Федоров, 2021: 198-199). В результате Россия подверглась прямым ударам по Северу, что привело к временному блокированию её выхода в Ледовитый океан.

Военное напряжение в Крыму не позволило центру обеспечить Северу необходимой безопасности. Местная военно-административная система не могла заменить центральные органы и обеспечить надёжную оборону окраин. Архангельское губернское правление сосредоточило все усилия на укреплении лишь одного центра – Архангельска. Когда городничий Колы Г.Е. Шишелов предложил архангельскому военному губернатору Р.П. Бойлю укреплять оборону города, предоставив для этого конкретный план, его предложение не было принято всерьёз. Бойль считал, что неприятель может угрожать Коле только нападением гребных судов, но отвага местных жителей, крутые берега и заросли кустарника якобы способны защитить город (ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5578. Лл. 4-5, 25-26). В Колу по указанию Бойля для защиты от возможного нападения противника были доставлены 100 ружей, 150 кремней для них (в том числе часть в нерабочем состоянии), 4 пуда пороха и 11 пудов свинца, необходимого для производства патронов (Давыдов, Попов, 2005: 97). Как покажет время, меры по обороне города провалились. Умерший в декабре 1854 г. архангельский военный губернатор Бойль не понёс ответственности за это, а, как часто случается в истории, оказался увековеченным в энциклопедии Брокгауза и Ефрона как успешный администратор, который «приложил все усилия для защиты от врага» (Энциклопедический словарь, 1891: 231).

В 1854 г. Англия и Франция направили на Русский Север военную эскадру в составе 7 кораблей. Враг не осмелился приблизиться к надёжно укреплённому Архангельску. Тем не менее, англо-французский флот сумел установить блокаду Северной Двины, обеспечивая контроль над морским движением в Белом море на протяжении навигационных сезонов 1854 и 1855 гг.

В Коле ситуация приняла более трагический оборот. В августе 1854 г. к ней подошёл английский трехмачтовый пароход «Миранда», вооружённый пушками. Командир судна Э. Лайонс через посредника предъявил городничему Колы ультиматум с требованием немедленной капитуляции.

После того, как ультиматум властями Колы был отклонен, британцы приступили к многочасовой бомбардировке города. Охваченная пламенем Кола стойко сопротивлялась, несмотря на отсутствие артиллерии и недостаток стрелкового вооружения. Приписанная к Кольскому острогу инвалидная команда солдат сражалась плечом к плечу с местными жителями, представителями разных слоёв общества и даже ссыльными. Однако военный корабль без труда расстрелял деревянный город. Огонь охватил 92 из 118 жилых домов, сгорел Кольский острог и выдающийся памятник деревянного зодчества – 19-главый Воскресенский собор. Сведений о гибели или тяжёлых ранениях участников обороны города в источниках не встречается. Один солдат был легко контужен, второй – ушиблен осколком станка (Ушаков, 1997: 252).

Трагедия оставила жителей без крыши над головой, поставив перед ними сложный выбор: жить в разрушенном городе или покинуть его. Власти склоняли горожан к переезду, выделив для этого специальные средства. Как поступили жители Колы?

Чтобы исследовать этот вопрос, целесообразно сравнить две духовные росписи: одна создана до пожара, а другая – после него. Духовные росписи, по всей видимости, являются единственным источником, который может дать представление, если не о всех жителях города, то о значительной его части.

Первая духовная роспись, охватывающая период с 1 октября 1853 по 1 октября 1854 г., насчитывала 951 жителя Колы (ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 51. Л. 296-324). Период, в течение которого составлялась роспись, указывает на то, что она была заполнена до случившегося пожара, но затем священником неоднократно корректировалась с учётом динамики численности населения города. Действительно, в этой росписи встречается множество приписок о временном отсутствии («отлучке») жителей Колы, всего таких помет (за исключением нечитаемых) 257. Кроме того, 9 чел. были обозначены как умершие. Все приписки на фоне аккуратно начертанного списка жителей выполнены хаотично, словно корректировали старый вариант перед составлением нового. По всей видимости, сведения о выбытии были внесены позже, так как они соответствовали традиции, по которой священник обязан был отмечать в духовной росписи посещение исповеди и святого причастия каждым лицом, внесённым в список, за отчётный период.

Духовная роспись 1856 г. отражает уже изменённый к этому времени состав населения Колы по сравнению с 1853 г. (ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 51. Л. 197-229). В ней насчитывалось 508 жителей, 126 из которых были отмечены как находящиеся «в отлучке», а 6 чел. – как умершие. Следовательно, значительное число жителей, указанных в росписи 1853 г., в росписи 1856 г. отсутствуют, поскольку они были списаны как навсегда покинувшие Колу (хотя это могло не соответствовать действительности). В росписи 1856 г. рядом с именами некоторых людей указано «в отлучке». Священник считал, что эти люди покинули Колу лишь временно.

93 % лиц, обозначенных в росписи 1853/1854 г. как находящиеся в «отлучке», либо не фигурируют в росписи 1856 г. совсем, либо сопровождаются аналогичной припиской «в отлучке». Лишь 7 % тех, кто был отмечен как отлучившийся в 1853/1854 г., присутствовали в Коле по данным списка 1856 г. Вероятно, это те, кто покинул Колу в 1854 г., но вскоре вернулся.

Подтверждением точности и значительной полноты духовных росписей 1853/1854 и 1856 гг. служит «Именной список лиц, желающих выехать из города Колы» от 11 марта 1855 г., обнаруженный в Государственном архиве Архангельской области (ГААО. Ф. 1. Оп. 7. Д. 102. Л. 112-113). В этом списке, составленном для определения получателей пособия на выезд из Колы, числилась 31 семья, или 91 чел. В документе перечислялись населённые пункты Архангельской губернии, куда планировалось переселение: Кемь (18 семей), Ковда (4 семьи), Кандалакша (4 семьи), Кереть (1 семья), Порья Губа (1 семья), Поной (1 семья), Варзуга (1 семья) и Архангельск (1 семья). Из 91 чел., указанных в этом списке, 81 чел. (89 %) были внесены в духовные росписи Колы, в т. ч. 70 чел. как выбывшие, 2 чел. – как умершие, а 9 чел. – как проживающие в Коле.

Согласно духовным записям и метрическим книгам Кольского собора за последующие годы, не все жители Колы покинули город навсегда. Значительная часть из них впоследствии вернулась (о чём свидетельствуют, в частности, записи о смерти и погребении на Кольском городском кладбище, заносимые в метрические книги), что важно учитывать при анализе влияния пожара 11 августа 1854 г. на структуру населения Колы.

Согласно духовной росписи 1853–1854 гг., накануне пожара в Коле проживало 950 чел., хотя фактическая численность могла превышать эту цифру. Преобладающее большинство жителей города составляли мещане (41,1 %) и крестьяне (27, 7 %). Немалую долю населения также составляли чиновники (12,4 % вместе с семьями) и военнослужащие (12,4 % вместе с семьями). Кольская инвалидная команда, которая сыграла значительную роль в защите Колы 11 августа 1854 г., насчитывала 70 чел. В её составе были 1 командир, 5 унтер-офицеров, 1 барабанщик, 61 рядовой, а также 1 писарь и 1 цирюльник. Купечество и духовенство составляли лишь 2,1 % и 1,6 % населения соответственно, число ссыльных не превышало 29 чел. (3,0 %).

После английской бомбардировки часть колян покинула Колу, остальные же переселились в уцелевшие постройки, а также в быстро возведённые избы, землянки и вежи, где неблагоприятные условия проживания, характеризующиеся постоянной сыростью, приводили к болезням (ГААО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 635. Л. 1-2). В духовной росписи 1856 г. было зарегистрировано 376 чел., продолжавших жить в разрушенной, практически полностью сожжённой Коле. Это означало, что город лишился более половины (60,9 %) своего населения. Согласно духовным записям, сокращение численности главным образом обусловлено механической, а не естественной убылью.

Вследствие пожара из Колы была эвакуирована значительная часть военных, чиновников и ссыльных – это 41,4 % всего покинувшего город населения. Среди добровольно уезжавших преобладали крестьяне. К 1856 г. из Колы выехало 80,9 % всех крестьян. Этот факт свидетельствует, с одной стороны, о материальной уязвимости крестьянства, а с другой – о его мобильности, которая, вероятно, являлась частью борьбы за выживание.

Мещане, из которых состояло историческое ядро города, продемонстрировали большую приверженность Коле: лишь 30,9 % из них покинули город. Документальные свидетельства позволяют проследить стратегии поведения представителей этого сословия. Уже в январе 1855 г., сразу после пожара, среди мещан появились приверженцы переселения за пределы Колы. 19 семей получили государственную помощь для переезда (ГААО. Ф. 1. Оп. 7. Д. 102. Л. 3-4, 112-113). Однако 14 из них так и не смогли адаптироваться в новых условиях и были вынуждены вернуться в родной город. 19 марта 1858 г. ещё одна группа горожан, утверждая, что не в силах «переехать в другие

места... по любви к родному краю», добилась права на бесполошинную вырубку леса для возведения жилых построек (ГААО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 635. Л. 1-2, 3-4, 12-15, 22).

Наиболее адаптированной частью населения Колы были купечество и духовенство. Купеческие роды Базарных, Лоушкиных, Шабунных видели в восстановлении города залог сохранения своего положения. К 1856 г. лишь 20 % представителей этого сословия покинули Колу, чаще всего это были семьи, которые либо разорялись, либо уже не надеялись на успех (например, купцы Голодные, Ивановы). Среди жителей Колы священники проявили наибольшую преданность городу. В период с 1854 по 1856 г. ни один священнослужитель не покинул город.

Решение о выезде или оставлении Колы часто принималось целыми семейно-родственными группами. Например, почти весь мещанский род Рекуновых (96,2 %, или 25 чел.) покинул город, в то время как род мещан Яргиных в подавляющем большинстве (83,8 %, или 57 чел.) остался в Коле. Этот факт свидетельствует о том, что семейно-родственный коллектив сохранял свою патриархальную структуру и все ещё выступал социальным регулятором.

После вынужденного переселения треть жителей Колы решила вернуться.

Городничий Г.Е. Шишелов в своем письме архангельскому гражданскому губернатору от 10 января 1856 г. указывал, что уже в конце декабря 1855 г. в Колу из числа получивших финансовую помощь на переезд и покинувших город вернулись: крестьянин Илья Данилов с семьёй и племянником, вдова Анна Данилова с детьми и незамужняя Марья Артемьева (ГААО. Ф. 1. Оп. 7. Д. 102. Л. 188-189).

Среди вернувшихся были в основном крестьяне (55,4 %) и мещане (39,5 %). Однако почти каждый третий житель Колы (около 400 чел.) покинул город навсегда. Если не учитывать военнотружущих, чиновников и ссыльных, то из оставшихся 689 жителей (купцы, мещане, крестьяне, духовенство) после пожара в городе остались 345 чел. (50,1 %), то есть каждый второй. Впоследствии еще 168 чел. (24,4 %) вернулись в Колу. Если принять во внимание полное разрушение города, этот показатель не кажется критическим: сохранение половины неслужилого населения в руинах своих домов и последующее увеличение их числа на четверть за счёт возвращения беженцев говорит о высокой адаптации колян к местным условиям.

На процессы регенерации населения Колы после английской бомбардировки 11 августа 1854 г. позволяют с иной точки зрения посмотреть метрические книги Кольского прихода, в которых отмечались сведения о крещениях, венчаниях и отпеваниях. Правда, этот источник учитывал жителей не только города, но и других населенных пунктов, входивших в Кольский приход, а также сезонных рыбопромышленников, для которых Кола являлась опорной базой по пути с Белого моря на Мурманский берег и обратно. Для того чтобы в статистику попали только жители города, информация из метрических книг извлекалась лишь на тех лиц, кто указывался в духовных росписях как житель Колы.

Учитывая, что ежегодные духовные росписи могли не сразу отразить появление нового жителя и информация о нём могла быть занесена спустя некоторое время, было сделано исключение для тех лиц, чьё проживание в Коле прочно доказывается источниками церковного учёта населения более позднего времени. Кроме того, в статистику включались и те лица, кто в духовной росписи отсутствовал, но в самой метрической книге был указан с отметкой как проживающий в Коле.

Анализ метрических книг Кольского прихода за 1851–1865 гг. позволил выявить динамику рождений, браков и смертей среди жителей Колы накануне, во время и после окончания Крымской войны (Таблица 1).

Выявленные данные свидетельствуют, что английская бомбардировка 11 августа 1854 г. разбалансировала демографические процессы в Коле. Причём ситуацию усугубила эпидемия «горячки» в 1857–1858 гг., унёсшая жизни 58 чел., в т.ч. кольского городничего, титулярного советника Григория Евдокимовича Шишелова (6 ноября 1857 г.) и кольского купца Василия Алексеевича Лоушкина (15 декабря 1857 г.). Оба деятеля были похоронены на Кольском городском кладбище. Надгробие на могиле купца Лоушкина сохранилось до сих пор (ГААО. Ф. 29. Оп. 17. Д. 9. Л. 9010б.-910; ГААО. Ф. 29. Оп. 17. Д. 10. Л. 6730б.-691; Федоров, Синицкий, 2001: 15; Малашенков, 2017: 346).

Регенерация населения, начавшаяся сразу же, практически на пепелищах домов, к началу 1860-х гг. позволила вновь сбалансировать ситуацию по количеству рождённых и умерших. Дольше всего в городе сказывался брачный кризис, приведший к заметному сокращению количества заключённых браков. Данная тенденция сохранится в городе и в последующие десятилетия, вплоть до революции (Малашенков, Федоров, 2010: 41).

Восстановление населения города Колы после английской бомбардировки 11 августа 1854 г. подтверждается данными не только в среднесрочной, но и в долгосрочной перспективе, в чём могут помочь результаты проекта, посвящённого демографо-генеалогической реконструкции г. Колы XIX – начала XX в. (Малашенков, Федоров, 2010а: 1-280; Малашенков, Федоров, 2010б: 1-253; Малашенков, Федоров, 2011: 1-230).

Таблица 1. Количество рождений, браков и смертей среди жителей г. Колы в 1851-1865 гг. (по данным метрических книг Кольского прихода) (ГААО. Ф. 29. Оп. 17. Д. 3-14; ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 91-а).

Годы	Рождения	Браки	Смерти
1851	38	14	26
1852	39	14	35
1853	46	13	27
1854	40	5	37
1855	15	2	11
1856	21	2	35
1857	24	2	46
1858	18	8	69
1859	30	4	9
1860	24	9	10
1861	28	2	11
1862	23	1	32
1863	25	12	35
1864	44	8	24
1865	28	8	17
Всего	443	104	424

За период с 1842 по 1915 г. средний размер семейно-родственных коллективов в Коле увеличился с 3 до 7 чел. Параллельно наблюдалось сокращение общего числа таких коллективов: если в 1842 г. их было 250, то к 1915 г. осталось лишь 92 (Таблица 2). Этот процесс, безусловно, указывает на естественный отбор наиболее устойчивых и приспособленных к условиям существования структур.

Таблица 2. Средний размер семейно-родственных групп, проживавших в г. Коле в 1842–1915 гг. (Малашенков, Федоров, 2010а: 35)

Годы	1842	1861	1881	1901	1915
Количество жителей, чел.	870	682	704	625	676
Количество семейно-родственных групп	250	124	123	109	92
Средний размер семейно-родственных групп, чел.	3,5	5,5	5,5	5,7	7,4

Каждая семейно-родственная группа проходила испытание временем. Чем дольше такая группа проживала в Коле, тем больше становилось её членов. Семейная структура строилась на основе неподвижного ядра и подвижной периферии. В ядро входили крупные, уже укоренившиеся в Коле семейно-родственные группы, насчитывающие более 6 чел. Если в середине XIX в. ядро составляло чуть более 30 % от общего количества семей, то к началу XX в. этот показатель превысил 50 %. Маленькие семьи, окружавшие это ядро, создавали подвижную периферию. Часть из них, вырастая и укореняясь, сдвигалась к ядру; другая часть – так и не сумев вырасти, оставались в маргинальном статусе.

Таблица 3. Количество семейно-родственных групп по продолжительности проживания в г. Коле на 1861–1915 гг. (Малашенков, Федоров, 2010а: 39)

Лет	Абс., ед.				%			
	1861 г.	1881 г.	1901 г.	1915 г.	1861 г.	1881 г.	1901 г.	1915 г.
до 10	22	24	31	23	18	20	28	25
10-50	75	43	25	21	60	35	23	23
50-100	17	42	34	34	14	34	31	37
более 100	10	14	19	14	8	11	18	15
Всего	124	123	109	92	100	100	100	100

В течение пяти десятилетий доля семейно-родственных групп, которые прожили в Коле более 50 лет, увеличилась с 22 до 52 % (Таблица 3).

Рост поколенной структуры был более медленным: с 1861 по 1915 г. доля многопоколенных семейно-родственных групп (более двух поколений) выросла с 45 % до 58 % (Таблица 4). Эту стабильность ядра обеспечивали обменные процессы: старые, угасающие семейно-родственные группы замещались новыми, более жизнеспособными, которые проникали в ядро из периферии.

Таблица 4. Количество семейно-родственных групп в г. Коле по количеству поколений на 1861–1915 гг. (Малашенков, Федоров, 2010а: 39)

Количество поколений	Абс., ед.				%			
	1861	1881	1901	1915	1861	1881	1901	1915
1	18	21	13	2	15	17	12	2
2	50	30	36	37	40	24	33	40
3-5	45	60	49	44	36	49	45	48
более 5	11	12	11	9	9	10	10	10
Всего	124	123	109	92	100	100	100	100

Периферия защищала ядро от застоев и деградации. Изучение динамики прибывших и выбывших семейно-родственных групп в Коле свидетельствует о том, что до начала XX в. въезд превышал выезд (частично компенсируя ущерб от деградации), но в дальнейшем миграционные потоки усилились: на каждый прибывший семейно-родственный коллектив приходился один выбывший.

Семейные и сословные структуры имели тесную взаимосвязь, что подтверждают расчеты среднего размера семейно-родственных групп по сословиям. Очевидно, что мещанские семейные коллективы формировали ядро города, в то время как остальные сословия располагались на границе между центром и периферией (Таблица 5).

Таблица 5. Средний размер семейно-родственных групп в г. Коле по сословиям в 1842–1915 гг., чел. (Малашенков, Федоров, 2010а: 37)

Сословная/социальная группа	1842	1861	1881	1901	1915
Купцы с членами семей	4,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Мещане с членами семей	7,3	8,3	10,2	8,3	8,7
Крестьяне с членами семей	4,3	4,4	4,7	4,0	5,6
Колонисты с членами семей	0,0	0,0	4,5	2,8	5,7
Военнослужащие с членами семей	1,2	1,0	3,0	0,0	0,0
Духовенство с членами семей	2,2	3,8	2,2	3,6	2,5
Чиновники с членами семей	2,3	1,8	2,5	4,1	5,6
Смешанные*	4,8	11,3	6,0	13,6	15,3

*Из-за неустойчивого материального положения значительная часть живших в Коле купцов входила в смешанные семьи.

5. Заключение

Крымская война 1853–1856 гг. стала серьёзным испытанием для Российской империи в Арктике. Английская бомбардировка города Колы 11 августа 1854 г. привела к риску потери немногочисленного постоянного населения России на побережье Баренцева моря. Значительная часть застройки была уничтожена. В условиях тяжёлых последствий войны власти предложили жителям Колы выезд, фактически – «закрытие» города. В 1858 г. Кола была лишена статуса уездного центра. Но город спасли мужественные усилия его жителей, оставшихся в Коле вопреки разрухе и начавшейся эпидемии. Восстановив Колу, местные жители незаметно для себя подняли накренившийся «арктический фасад» Российской империи. Происходило это в тот момент, когда страна столкнулась с серьёзными препятствиями для своего развития и не могла выделить крупных средств на Север.

Несмотря на бытующую в литературе оценку об упадке, «захирении» Колы после пожара 1854 г., город продолжал существовать и развиваться. Успешный опыт регенерации его населения привёл не только к возвращению Коле статуса уездного центра в 1883 г., но и к реализации масштабного проекта «правительственной колонизации» Мурманского берега во второй половине XIX – начале XX в.

Значительная часть местных жителей осталась на берегу Ледовитого океана навсегда. Девять человек – последних свидетелей обороны 1854 г. – дожили в Коле до советского времени, в т. ч. Ф.К. Елсукова (Яргина), А.М. Сулова (Яргина), О.К. Мелентьева (Мастинина), А.Р. Базарная (Измайлова), П.К. Сверлова (Мастинина), М.И. Измайлова (Молвистова), П.Г. Сверлова (Немчинова), И.И. Синякова (Мастинина) и М.П. Кузьмин.

Литература

Вакулова, 2016 – Вакулова Т.В. Крымская война: конфликт цивилизаций // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения.* 2016. Т. 21. № 6. С. 38-45.

Вакулова, 2023 – Вакулова Т.В. Итоги Крымской войны: спор продолжается / *Потемкинские чтения: сборник материалов VII Всероссийской научной конференции с международным участием.* Севастополь. 2023. Т. 1. С. 218-220.

ГААО – Государственный архив Архангельской области.

ГАМО – Государственный архив Мурманской области.

Давыдов, 2004 – Давыдов Р.А. Кола глазами неприятеля: к 150-летию сожжения Колы английским пароходом «Миранда» // *Наука и бизнес на Мурмане.* 2004. № 4. С. 17-20.

Давыдов, 2016 – Давыдов Р.А. Крымская война... в Арктике. Оборона города Колы в 1854 году // *Военно-исторический журнал.* 2016. № 5. С. 59-66.

Давыдов, Попов, 2005 – Давыдов Р.А., Попов Г. П. Оборона Русского Севера в годы Крымской войны: хроника событий. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 173 с.

Каптарь, 2017 – Каптарь Д.Л. Крымская война: новые подходы к оценке итогов // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета.* 2017. Т. 7. № 3. С. 6-10.

Карбасникова, 1973 – Карбасникова Н.А. Оборона г. Колы в 1854 году // *Историко-краеведческий сборник.* Вологда: Б.и., 1973. С. 40-46.

Кауппала, 2024 – Кауппала П. Крымская война в Финляндии и ее влияние на российско-финляндские отношения // *Петербургский исторический журнал.* 2024. № 2. С. 72-83.

Климкина, 2015 – Климкина Э.В. Крымская война и ее оценка в славянофильских кругах / *Внешиполитические интересы России: сборник материалов II-й Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне (1941-1945 гг.).* Самара: Самарская гуманитарная академия, 2015. С. 96-99.

Кудрявцев, 2009 – Кудрявцев В.В. Крымская война в оценках русских западников // *Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки.* 2009. № 5. С. 7-10.

Малашенков, 2017 – Малашенков А.А. Кольский некрополь: кладбище Колы на Каменном острове. СПб.: Арт-Экспресс, 2017. 745 с.

Малашенков, Федоров, 2010a – Малашенков А.А., Федоров П.В. Коляне (XIX – первая четверть XX в.): историко-генеалогический атлас. Мурманск: МГПУ, 2010. Ч. 1. 280 с.

Малашенков, Федоров, 2010b – Малашенков А.А., Федоров П.В. Коляне (XIX – первая четверть XX в.): историко-генеалогический атлас. Мурманск: МГПУ, 2010. Ч. 2. 253 с.

Малашенков, Федоров, 2011 – Малашенков А.А., Федоров П.В. Коляне (XIX – первая четверть XX в.): историко-генеалогический атлас. Мурманск: МГПУ, 2011. Доп. ч. Указатели. 230 с.

Маркс, Энгельс, 1958 – Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание 2-е. М.: Госполитиздат, 1958. Т. 11. 788 с.

Мачехин, 2012 – Мачехин И. Крымская война на Дальнем Востоке // *Родина.* 2012. № 10. С. 145-151.

Мельникова, 2010 – Мельникова Л.В. Оборона Соловецкого монастыря в годы Крымской войны: военный и религиозный аспекты // *Российская история.* 2010. № 5. С. 165-182.

Миславский, 1958 – Миславский И.С. Оборона северного русского Поморья от англо-французских захватчиков в период Крымской войны // *Вопросы истории.* 1958. № 6. С. 110-119.

Нисковских, 2010 – Нисковских Е.Ю. Крымская война – предвестник Первой мировой войны // *Альманах современной науки и образования.* 2010. № 10. С. 36-37.

Орехова, 2021 – Орехова Е.А. Состав Кольской инвалидной команды накануне и в период Крымской войны (по материалам духовных росписей Кольского Воскресенского собора 1850-1854 годов) / *Россия в войнах: слава российского оружия в памяти поколений: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции.* Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БГУ, 2021. С. 178-185.

Постников, 2022 – Постников А.В. «Крымская война» на Кавказе? // *Приграничное сотрудничество: исторические события и современные реалии: материалы международной*

научно-практической конференции, посвященной 70-летию высшего языкового образования в Забайкальском крае. Чита: Забайкальский государственный университет, 2022. Ч. 1. С. 33-40.

Ружицкая, 2024 – *Ружицкая И.В.* «Катастрофа» или нет: новейшая историография Крымской войны // *Петербургский исторический журнал*. 2024. № 2. С. 23-33.

Тарле, 1950 – *Тарле Е.В.* Крымская война. В 2 т. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 2. 653 с.

Ушаков, 1972 – *Ушаков И. Ф.* Кольская земля: Очерки истории Мурманской области в дооктябрьский период. Мурманск: Кн. изд-во, 1972. 672 с.

Ушаков, 1997 – *Ушаков И.Ф.* Избранные произведения: историко-краеведческие исследования. В 3 т. Мурманск: Кн. изд-во, 1997. Т. 1. 646 с.

Федоров, Синицкий, 2001 – *Федоров П.В., Синицкий А.Н.* Кольский некрополь: опыт исторической реконструкции (XIX – начало XX века). Мурманск: МГПИ, 2001. 78 с.

Федоров, 2021 – *Федоров П.В.* Россия, окруженная водой: обзор истории Кольского полуострова. 1216-1991. СПб.: МБИ, 2021. 726 с.

Шевченко, 2024 – *Шевченко М.М.* Крымская (Восточная) война России: политика, стратегия и общественное мнение // *Петербургский исторический журнал*. 2024. № 2. С. 10-22.

Энциклопедический словарь, 1891 – *Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона*. СПб.: Типо-литография И.А. Ефрона, 1891. Т. 4 (7). 488 с.

Fedorov, Malashenkov, 2015 – *Fedorov P.V., Malashenkov A.A.* Between the Prohibition and Indulgence: Casual Religious Culture of the Orthodox Population Russian north in the Second Half of the XIX – early XX century // *Bylye Gody*, 2015. Vol. 38, Is. 4. Pp. 1011-1018.

Henry, 1956 – *Henry L.* Anciennes familles génevoises. Etudes démographiques (XVI–XX siècle). Paris: Presses universitaires de France, 1956. 232 p.

References

Davydov, 2004 – *Davydov, R.A.* (2004). Kola glazami nepriyatela: k 150-letiyu sozhzheniya Koly anglijskim parohodom «Miranda» [Kola through the eyes of the enemy: on the 150th anniversary of the burning of Kola by the English steamship “Miranda”]. *Nauka i biznes na Murmane*. 4: 17-20. [in Russian]

Davydov, 2016 – *Davydov, R.A.* (2016). Krymskaya vojna... v Arktike. Oborona goroda Koly v 1854 godu [The Crimean War... in the Arctic. The defense of the town of Kola in 1854]. *Voенно-istoricheskij zhurnal*. 5: 59-66. [in Russian]

Davydov, Popov, 2005 – *Davydov, R.A., Popov, G.P.* (2005). Oborona Russkogo Severa v gody Krymskoj vojny: hronika sobytij [The defense of the Russian North during the Crimean War: a chronicle of events]. Ekaterinburg: UrO RAN. 173 p. [in Russian]

Enciklopedicheskij slovar'..., 1891 – *Enciklopedicheskij slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona* [The encyclopedic dictionary of F. A. Brockhaus and I. A. Efron]. Sankt-Peterburg: Tipo-litografiya I.A. Efrona, 1891. Т. 4 (7). 488 p. [in Russian]

Fedorov, 2021 – *Fedorov, P.V.* (2021). Rossiya, okruzhennaya vodoy: obzor istorii Kol'skogo poluoostrova. 1216-1991 [Russia surrounded by water: an overview of the history of the Kola Peninsula. 1216-1991]. Sankt-Peterburg: MBI. 726 p. [in Russian]

Fedorov, Malashenkov, 2015 – *Fedorov, P.V., Malashenkov, A.A.* (2015). Between the Prohibition and Indulgence: Casual Religious Culture of the Orthodox Population Russian north in the Second Half of the XIX – early XX century. *Bylye Gody*. 38(4): 1011-1018.

Fedorov, Sinickij, 2001 – *Fedorov, P.V., Sinickij, A.N.* (2001). Kol'skij nekropol': opyt istoricheskoy rekonstrukcii (XIX – nachalo XX veka) [Kola Necropolis: the experience of historical reconstruction (XIX – early XX centuries)]. Murmansk: MGPI. 78 p. [in Russian]

GAAO – Gosudarstvennyj arhiv Arhangel'skoj oblasti [The State Archive of the Arkhangelsk Region].

GAMO – Gosudarstvennyj arhiv Murmanskoy oblasti [The State Archive of the Murmansk Region].

Henry, 1956 – *Henry, L.* (1956). Anciennes familles génevoises. Etudes démographiques (XVI–XX siècle). Paris: Presses universitaires de France. 232 p. [in French]

Kaptar', 2017 – *Kaptar', D.L.* (2017). Krymskaya vojna: novye podhody k ocenke itogov [The Crimean War: new approaches to assessing the outcome]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 7(3): 6-10. [in Russian]

Karbasnikova, 1973 – *Karbasnikova, N.A.* (1973). Oborona g. Koly v 1854 godu [The defense of Kola in 1854]. *Istoriko-kraevedcheskij sbornik*. Vologda: B.i., Pp. 40-46. [in Russian]

Kauppal, 2024 – *Kauppal, P.* (2024). Krymskaya vojna v Finlyandii i ee vliyanie na rossijsko-finlyandskie otnosheniya [The Crimean War in Finland and its impact on Russian-Finnish relations]. *Peterburgskij istoricheskij zhurnal*. 2: 72-83. [in Russian]

Klimkina, 2015 – *Klimkina, E.V.* (2015). Krymskaya vojna i ee oценка v slavyano-fil'skih krugah [The Crimean War and its assessment in Slavophile circles]. *Vneshnepoliticheskie interesy Rossii: sbornik materialov II-j Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 70-letiyu Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne (1941-1945 gg.)*. Samara: Samarskaya gumanitarnaya akademiya. Pp. 96-99. [in Russian]

- [Kudryavtsev, 2009](#) – *Kudryavtsev, V.V.* (2009). Krymskaya vojna v ocenkah russkih zapadnikov [The Crimean war in the assessments of Russian Westerners]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki*. 5: 7-10. [in Russian]
- [Machekhin, 2012](#) – *Machekhin, I.* (2012) Krymskaya vojna na Dal'nem Vostoke [The Crimean War in the Far East]. *Rodina*. 10: 145-151. [in Russian]
- [Malashenkov, 2017](#) – *Malashenkov, A.A.* (2017). Kol'skij nekropol': kladbishche Koly na Kamennom ostrove [Kola Necropolis: Kola Cemetery on Kamenny Island]. Sankt-Peterburg: Art-Ekspress. 745 p. [in Russian]
- [Malashenkov, Fedorov, 2010a](#) – *Malashenkov, A.A., Fedorov, P. V.* (2010). Kolyane (XIX – pervaya chetvert' XX v.): istoriko-genealogicheskij atlas [Kolyane (XIX – the first quarter of the XX centuries): historical and genealogical atlas]. Murmansk: MGPU. Ch. 1. 280 p. [in Russian]
- [Malashenkov, Fedorov, 2010b](#) – *Malashenkov, A.A., Fedorov, P.V.* (2010). Kolyane (XIX - pervaya chetvert' XX v.): istoriko-genealogicheskij atlas [Kolyane (XIX - the first quarter of the XX century): historical and genealogical atlas]. Murmansk: MGPU. Ch. 2. 253 p. [in Russian]
- [Malashenkov, Fedorov, 2011](#) – *Malashenkov, A.A., Fedorov, P.V.* (2011). Kolyane (XIX – pervaya chetvert' XX v.): istoriko-genealogicheskij atlas [Kolyane (XIX – the first quarter of the XX centuries): historical and genealogical atlas]. Murmansk: MGPU. Dop. ch. Ukazateli. 230 p. [in Russian]
- [Marks, Engel's, 1958](#) – *Marks, K., Engel's, F.* (1958). Sochineniya [The essays]. Izdanie 2-e. M.: Gospolitizdat. T. 11. 788 p. [in Russian]
- [Mel'nikova, 2010](#) – *Mel'nikova, L.V.* (2010). Oborona Soloveckogo monastyrya v gody Krymskoj vojny: voennyj i religioznyj aspekty [The defense of the Solovetsky Monastery during the Crimean War: military and religious aspects]. *Rossijskaya istoriya*. 5: 165-182. [in Russian]
- [Mislavskij, 1958](#) – *Mislavskij, I.S.* (1958). Oborona severnogo russkogo Po-mor'ya ot anglo-francuzskih zahvatchikov v period Krymskoj vojny [Defense of northern Russian Pomorye from the Anglo-French invaders during the Crimean War]. *Voprosy istorii*. 6: 110-119. [in Russian]
- [Niskovskih, 2010](#) – *Niskovskih, E.Yu.* (2010). Krymskaya vojna – predvestnik Pervoj Mirovoj vojny [The Crimean War is a harbinger of the First World War]. *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya*. 10: 36-37. [in Russian]
- [Orekhova, 2021](#) – *Orekhova, E.A.* (2021). Sostav Kol'skoj invalidnoj komandy naka-nune i v period Krymskoj vojny (po materialam duhovnyh respisej Kol'skogo Voskresenskogo sobora 1850-1854 godov) [The composition of the Kola disabled team on the eve and during the Crimean War (based on the materials of the spiritual murals of the Kola Resurrection Cathedral of 1850-1854)]. *Rossiya v vojnah: slava rossijskogo oruzhiya v pamyati pokolenij: sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Sterlitamak: Sterlitamaskij filial BGU. Pp. 178-185. [in Russian]
- [Postnikov, 2022](#) – *Postnikov, A.V.* (2022). «Krymskaya vojna» na Kavkaze? [The “Crimean War” in the Caucasus?]. Pri-granichnoe sotrudnichestvo: istoricheskie sobytiya i sovremennye realii: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 70-letiyu vysshego yazykovogo obrazovaniya v Zabajkal'skom krae. Chita: Zabajkal'-skij gosudarstvennyj universitet. Ch. 1. Pp. 33-40. [in Russian]
- [Ruzhickaya, 2024](#) – *Ruzhickaya, I.V.* (2024). «Katastrofa» ili net: novejschaya isto-riografiya Krymskoj vojny [“Catastrophe” or not: the latest historiography of the Crimean War]. *Peterburgskij istoricheskij zhurnal*. 2: 23-33. [in Russian]
- [Shevchenko, 2024](#) – *Shevchenko, M.M.* (2024). Krymskaya (Vostochnaya) vojna Rossii: politika, strategiya i obshchestvennoe mnenie [Russia's Crimean (Eastern) War: Politics, Strategy and Public Opinion]. *Peterburgskij istoricheskij zhurnal*. 2: 10-22. [in Russian]
- [Tarle, 1950](#) – *Tarle, E.V.* (1950). Krymskaya vojna [The Crimean war]. V 2 t. M.-L.: Izd-vo AN SSSR. T. 2. 653 p. [in Russian]
- [Ushakov, 1972](#) – *Ushakov, I.F.* (1972). Kol'skaya zemlya: Ocherki istorii Murman-skoj oblasti v dooktyabr'skij period [Kola Land: Essays on the history of the Murmansk region before 1917]. Murmansk: Kn. izd-vo. 672 p. [in Russian]
- [Ushakov, 1997](#) – *Ushakov, I.F.* (1997). Izbrannye proizvedeniya: istoriko-kraevedcheskie issledovaniya [Selected works: historical and local history studies]. V 3 t. Murmansk: Kn. izd-vo. T. 1. 646 p. [in Russian]
- [Vakulova, 2016](#) – *Vakulova, T.V.* (2016). Krymskaya vojna: konflikt tsivilizatsij [The Crimean War: a conflict of civilizations]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 21(6): 38-45. [in Russian]
- [Vakulova, 2023](#) – *Vakulova, T.V.* (2023). Itogi Krymskoj vojny: spor prodolzhaetsya [Results of the Crimean War: the dispute continues]. *Potemkinskie chteniya: sbornik materialov VII Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem*. Sevastopol'. T. 1. Pp. 218-220. [in Russian]

Крымская война и Русская Арктика: судьба населения города Кола после английской бомбардировки 11 августа 1854 г.

Павел Викторович Федоров ^{a,*}, Елена Юрьевна Терещенко ^b

^a Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К. А. Тимирязева, Москва, Российская Федерация

^b Мурманский арктический университет, Мурманск, Российская Федерация

Аннотация. В результате военных действий неприятеля в 1854–1855 гг. возник риск потери немногочисленного постоянного населения России в Арктике, на побережье Баренцева моря. 11 августа 1854 г. в результате английской бомбардировки был практически полностью сожжён единственный в этом ареале город Кола, являвшийся опорным центром Русской Арктики. Российское правительство решило переселить жителей в другие населённые пункты и лишило Колу статуса уездного центра. Однако значительная часть горожан отказалась переселяться. На пепелищах домов началось восстановление города. На основе обработки документов церковного учёта населения по Кольскому приходу в статье впервые были введены в научный оборот демографические данные по городу Коле за 1851–1865 гг. Их анализ привёл к выводу, что в течение 10 лет после английской бомбардировки Кола смогла восстановить баланс по рождениям и смертям, однако сократилось количество заключаемых браков. Ядро города составляли главным образом купцы, мещане и духовенство, как самые привязанные к месту сословия. Они внесли наиболее весомый вклад в восстановление города. Крестьяне, наоборот, стали самой подвижной и склонной к выезду за пределы города группой. Успешный опыт регенерации населения привёл не только к возвращению Коле статуса уездного центра в 1883 г., но и к реализации масштабного проекта «правительственной колонизации» Мурманского берега. Восстановив Колу, местные жители подняли накренившийся «арктический фасад» Российской империи. Произошло это в тот момент, когда страна столкнулась с серьёзными препятствиями для своего развития и не могла выделить крупных средств на Север.

Ключевые слова: Крымская война, Русский Север, Великобритания, Кола, Арктика, демография, история семьи, город.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sever-nordica@yandex.ru (П.В. Федоров),
tereshenko.eu@mauniver.ru (Е.Ю. Терещенко)